



Прожитая Жизнь  
Жанны

18+

Жаглов Андрей

# Андрей Жаглов

# Прожитая жизнь Жанны

*<https://litres.ru/73187967>*

*SelfPub; 2026*

*ISBN 1*

## Аннотация

<p>Из неё сделали полигон.</p><p>На ней тестировали жестокость авторитеты, слабость наркоманы, беспомощность старики. Она прошла через мужчин, как через болезни, оставив каждого с ребёнком как меткой.</p><p>Её дети выросли. Посмотрели на её изуродованную жизнь. И сделали наоборот. Стали успешными. Умными. Чистыми.</p>

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Исход                    | 4  |
| Глава 2. Новые стены              | 12 |
| Глава 3. Свой угол, чужая печь.   | 23 |
| Глава 4. Стены и голоса           | 26 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 28 |

# Прожитая жизнь Жанны

## Глава 1. Исход

Август пахнет пылью, спелой смородиной из чужого палисадника и чем-то кислым — забродившим компотом или просто бедой, которая витала над их деревней как тяжёлый запах. Жанне было двенадцать, и она ненавидела этот вечер. Ненавидела тишину в доме, где отец, Александр, молча стоял на лавке у порога, а старший брат Егор куда-то исчез. Но больше всего она ненавидела пустое место за кухонным столом, где должна была сидеть мать.

Людмила не ночевала дома. Опять.

«Сходи, найди её, — без выражения сказал отец, не отрывая взгляда от окутанного дымком огорода. — Скажи, что ужин стынет».

Жанна хотела отказаться, протестовать, закричать, что она уже не маленькая и видит всё: видит, как мать с утра наряжается, как пристально смотрится в зеркальце, как от неё пахнет дешёвым одеколоном, который она прячет в сундуке. Но слова застревали в горле комом стыда. Стыд был главным чувством в её жизни. Он был на её поношенном платье, в насмешках одноклассников, в этом тяжёлом, беспомощном взгляде отца.

Она вышла босиком. Тёплая земля мягко обволакивала

ступни. Она шла, взглядываясь в потёмки, прислушиваясь. Из дома председателя доносилась музыка и пьяные голоса. Жанна прошла мимо, свернула на задворки. Она знала, куда идти. Все в деревне знали, только не говорили вслух.

Дом Николая Степановича стоял на отшибе, у самого леса. Старый, покосившийся, но с недавно перекрытой крышей — говорили, хозяин подрабатывал на лесоповале. Николай Степанович. Коля. Неженатый, молчаливый, с тяжёлыми руками и взглядом, который скользил по женщинам, будто оценивая товар. И он смотрел на Людмилу. Жанна видела это. Видела, как мать оживлялась, когда он проходил мимо их забора, как поправляла платок.

В доме горел свет. Из открытого окна виднелось пьяное веселье, басистый смех Коли и — её матери. Высокий, разбитый смех, который дома Людмила давно забыла.

Жанна замерла у калитки. Страх, острый и холодный, сковал ноги. Она должна была позвать, постучать, сказать: «Мама, папа ждёт». Но вместо этого она, как воришка, прокрадлась вдоль плетня к задней стороне дома, где было темно. Там, впритык к стене, стоял старый сарай для дров. Окно дома выходило прямо на него, и из щелей в ставнях сочился свет.

Голоса были отчётливо слышны.

«...ну, Людок, ну царство моё ненаглядное! — гудел пьяный голос Коли. — Да я ради тебя... всё!»

«Ты всё, а у меня — ничего, — слышался ответ матери,

скулящий, жалобный. — В этой конуре, с этим молчаливым истуканом... Жизнь проходит, Коля!»

«Не проходит, милая. Вот со мной — не проходит».

Раздался звук поцелуя, чавкающий, мокрый. Жанне стало физически плохо. Она прижалась лбом к шершавым, пахнущим сыростью доскам сарая.

«А детишки-то твои... — протянул Коля. — Дочка-то уже невеста на выданье, поди?»

«Ох, не говори... Замучала совсем. Всё видит, всё понимает, глазами сверлит. Как судья».

«Надо её, судью, малость образумить. Чтобы знала, как мать перечить...»

Жанна не стала больше слушать. Она оттолкнулась от сарая, чтобы бежать, спотыкнулась о полено и грохнулась в пыль. Звёзды на миг поплыли перед глазами.

И тут дверь сарая скрипнула. В проёме, заливаемом светом из дома, возникла огромная тень.

«Кто тут?» — прохрипел Коля.

Жанна попыталась вскочить, но он был уже рядом. Его могучая рука впилась в её худое плечо, подняла, как котёнка.

«А-а-а, — протянул он, и в его глазах, налившихся кровью, мелькнуло что-то страшное и узнающее. — Судья пришла. Материнку проверять».

«Отпусти! — выдохнула Жанна, брыкаясь. — Я за мамой!»

«Мама тут занята, детка. А ты... ты мешаешь».

Он затолкал её в сарай. Темнота была абсолютной, пахло мышами, прелыми дровами и водкой — едкой, как щёлочь. Жанна вскрикнула, но его ладонь грубо накрыла её рот. Другой рукой он рванул её старенькое платье. Хлопок разорвался с жутким, громким звуком.

«Молчи, — прошипел он прямо в лицо, и запах перегара заставил её задыхаться. — Будешь молчать, сука мелкая... Все вы, бабы, одного поля ягода...»

Боль была такой всепоглощающей, что сознание попыталось спастись, уплыть. Она не кричала. Она смотрела в чёрный потолок сарая, где в щель между досками проглядывала одинокая холодная звезда. Она думала о том, как эта звезда, наверное, видела много такого. И ничего не изменилось.

Потом её отпустили. Просто швырнули на пол, на колючую стружку. Коля, тяжело дыша, поправил брюки.

«Вот и всё, судейка. Теперь ты ничем не лучше своей машины. Помалкивай».

Он вышел, захлопнув дверь. Жанна лежала, не в силах пошевелиться. Через какое-то время дверь приоткрылась снова. В проёме, залитая светом сзади, стояла Людмила. Она выглядела почти как призрак — растрёпанная, с безумно расширенными глазами. Она смотрела на свою дочь, скомканную, грязную, с разорванной одеждой, и её лицо исказилось не ужасом, а чем-то худшим — омерзением. И стыдом. Таким глубоким, таким личным, что, казалось, она смотрела не на Жанну, а в зеркало, показывающее самое порочное

нутро её самой.

Людмила ахнула, зажала рукой рот. Она сделала шаг вперёд, но не к дочери, а будто чтобы лучше разглядеть последствия. И в этот момент снаружи раздался голос.

«Людмила! Жанна!»

Это был Александр. Голос был хриплым от напряжения и гнева.

Людмила встrepенулась, как заяц на взводе. Её взгляд метнулся от Жанны к двери, и в нём вспыхнул животный, панический страх — не за дочь, а за себя. За то, что её увидят здесь, в этом свете, над этим.

«Мама...» — прошептала Жанна, и этот шёпот, полный боли и мольбы, словно обжёг Людмилу.

Та отпрянула. Резко, почти враждебно.

«Сиди тут. Не выходи. Не смей, — прошипела она, и в её голосе не было ничего материнского, только приказ и отчаяние. — Слышишь?»

Она захлопнула дверь. Жанна слышала, как снаружи пробежали шаги, как раздался низкий, рычащий вопрос отца: «Где она?»

Потом — удар. Глухой, сочный, как удар топором по мясу. Ещё один. Крики Коли, переходящие в стон. Голос Людмилы: «Сашка, перестань! Убьёшь!»

«И убью, — раздался голос отца, которого Жанна никогда не слышала. Он был тихим, ледяным и оттого в тысячу раз страшнее любого крика. — Иди сюда. Сейчас же».



Шаги удалились. Воцарилась тишина, звенящая и пугающая. Жанна поползла к двери, толкнула её. Дверь поддавалась. Она выползла во двор. На земле, возле крыльца, лежал Николай Степанович. Он не двигался, из разбитого носа текла тёмная струйка. Рядом валялась разбитая бутылка.

Жанна увидела своих родителей на дороге. Отец вёл мать за руку, как непослушного ребёнка, крепко, почти больно. Людмила шла, согнувшись, закрывая лицо свободной рукой.

Они не оглянулись. Ни на неё, ни на того, кто лежал во дворе.

Жанна поднялась на ноги. Каждое движение отзывалось тупой, грязной болью там, внизу. Она пошла за ними, отставая на двадцать шагов. Она шла по тёплой пыльной дороге, и мир вокруг казался ненастоящим, как в дурном сне. Фонари, собачий лай из-за забора, тени от берёз — всё было плоским и безразличным.

Они вошли в свой дом. Жанна остановилась у калитки. Она не могла зайти. Стыд был теперь не просто чувством. Он был веществом, кожей, воздухом. Она была им.

Дверь приоткрылась. На пороге возник Александр. Увидев её, стоящую в темноте, он вздрогнул. Молча снял с вешалки свою старую телогрейку, вышел, накинул ей на плечи, закрывая разорванное платье. Потом взял её за руку. Его пальцы были шершавыми и тёплыми. Он не сказал ни слова. Просто повёл в дом.

В доме Людмила уже сидела на стуле у печки и плакала.

Но это были не слёзы раскаяния или сострадания. Это были слёзы жалости к себе, слёзы пойманной с поличным, слёзы о разрушенной иллюзии веселья.

Александр подвёл Жанну к умывальнику, налил в таз воды из ковша. «Умойся», — сказал он глухо. Сам сел за стол, опустил голову на руки.

Жанна смотрела на своё отражение в тёмной воде. Девочка с большими, пустыми глазами. Чужая.

Эту ночь она провела не в своей кровати, а на сундуке в сенях, завёрнутая в телогрейку отца. Она не спала. Она слышала, как в доме всю ночь двигались, шуршали, говорили шёпотом. Собирали вещи.

Утром, на рассвете, отец разбудил её.

«Вставай. Уезжаем».

Во дворе стояла телега, запряжённая старой колхозной лошадью, которую Александр, видимо, взял у кого-то на время. На телеге лежали два узла с пожитками, мешок с картошкой и кастрюля, торчавшая из-под ведра.

Егор, красноглазый и хмурый, уже сидел на телеге. Людмила стояла рядом, закутанная в платок, с лицом, опухшим от слёз и бессонницы. Она не смотрела на Жанну.

«Садись», — сказал Александр Жанне, указывая на телегу.

Они тронулись, когда деревня ещё спала. Телега скрипела, лошадь фыркала. Жанна сидела, прижавшись спиной к узлу, и смотрела, как удаляется родной дом, огороды, зна-

комая кривая берёза у поворота. Она не плакала. Всё, что могло быть выплакано, осталось вчера в темноте дровяного сарая.

Людмила вдруг обернулась, посмотрела на исчезающую деревню, и её лицо исказилось гримасой такой острой, бес- сильной ненависти, что Жанна испуганно отвела глаза. Нена- висть была направлена не на Колю, не на отца. Казалось, она ненавидела само это место. И, возможно, того, кто стал жи- вым свидетелем её падения.

Александр правил молча, спиной ко всем, пряча своё ли- цо. Его плечи были напряжены, будто он вёз не семью, а неподъёмный груз вины, стыда и сломанных жизней.

Жанна смотрела на его спину и думала, что их везут не просто в другой город. Их везут прочь от того, что случилось. Но она уже понимала — то, что случилось, поедет с ними. Оно сидело внутри неё, тёмное и липкое, как дёготь. И ни одна дорога не смогла бы оставить это позади.

Они просто меняли декорации для своей тихой, всепогло- щающей драмы. А главная роль в ней, роль козла отпущения, живого напоминания, уже была бесповоротно отдана ей, две- надцатилетней Жанне.

## Глава 2. Новые стены

Дорога до станции заняла не больше двадцати минут, но для Жанны она растянулась на целую вечность. Телега, грубо сколоченная из неструганых досок, подпрыгивала на каждой кочке, и каждый толчок отзывался в теле глухой, утробной болью, которая стала уже частью её существа. Она сидела на узле с постельным бельём, закутанная в грубую отцовскую телогрейку, пахнущую махоркой и потом. Телогрейка была тяжёлой, как панцирь, и так же, как панцирь, должна была скрывать то, что под ней — разорванное платье, синяки на бёдрах, невыносимый стыд, въевшийся в кожу.

Егор, злой на весь мир, вылез из телеге и демонстративно отвернувшись стоял молча. Всю предыдущую ночь он просидел на завалинке с пацанами, и те, видимо, уже успели рассказать ему раскрашенную жестокими подробностями версию произошедшего. Он не смотрел на Жанну. Словно она была теперь не сестрой, а чем-то заразным, позорным пятном на семье.

Жанна обернулась, но в её мыслях не было уже ничего. Она исчерпала их за ту долгую ночь, когда сидела на сундуке в сенях и слышала, как родители шепчутся за стеной — не о ней, а о том, «что теперь делать» и «куда бежать». Она была не участником драмы, а её неудобной, окровавленной декорацией.

Станция « 47-й км» представляла собой низкое, выцветшее от солнца здание с облупившейся штукатуркой, покосившуюся скамейку и столб с квадратными часами, которые давно остановились. Пахло креозотом, пылью и дальними поездами. На перроне, кроме них, никого не было. Тишину нарушал лишь писк каких-то птиц в придорожных кустах.

Александр обернулся к Жанне. Его лицо в холодном утреннем свете казалось вырубленным из серого камня — жёстким, с резкими тенями под скулами и глубокими морщинами у рта, которых раньше Жанна не замечала. Он молча протянул ей руку. Жанна взяла её, почувствовав шершавые, сильные пальцы, и сползла с телеги. Ноги, затекшие и онемевшие, едва держали её.

Потом отец принялся расстёгивать сбрую. Действовал он методично, без суеты, как будто выполнял привычную крестьянскую работу. Ремни, пряжки, хомут — всё аккуратно сложил на дно телеги. Звёздочка стояла смирно, лишь изредка позванивая уздой. Когда всё было снято, Александр положил руку ей на шею, прямо под густой гривой, и постоял так секунду, глядя куда-то мимо лошади, в пустоту. Потом шлёпнул её ладонью по крупу.

— А ну, пошла. Домой.

Звёздочка фыркнула, тряхнула головой, развернулась и, словно поняв всё с полуслова, медленной, размашистой рысью пошла обратно по пыльной дороге, к знакомому повороту, за которым осталась их старая жизнь. Жанна следила за

ней взглядом, пока та не скрылась из виду. Исчез последний живой кусок её прежнего мира. Теперь они были отрезаны окончательно.

Она услышала всхлипывание. Обернулась. Людмила, при-слонившись к закопчённой стене станции, плакала. Но это были не тихие слёзы — её трясло мелкой, истерической дрожью, она всхлипывала громко, по-детски, утирая лицо углом платка. Казалось, она плакала не о дочери, не о случившемся кошмаре, а о чём-то своём, глубоко личном — о потерянном веселье, о разбитой иллюзии свободы, о том, что её поймали и теперь увозят в клетку. Александр подошёл к ней, взял за локоть.

— Хватит. Соберись. Сейчас люди будут.

Людмила дернула руку, но не вырвала. Она подняла на него заплаканное, опухшее лицо.

— Куда ты нас повёз, Сашка? А? В какую дыру? Всё из-за неё... всё из-за неё!

Она бросила взгляд на Жанну, быстрый, острый, полный невыразимой обиды и злости. Не на насильника. На неё. Жанна сжалась внутри своего телогрейного панциря. Она поняла эту логику инстинктивно, детским, раненым сознанием: если бы не она, Жанна, не пошла бы искать, не увидела бы, не стала бы свидетельницей... всё могло бы продолжаться как раньше. Грех был бы тихим, постыдным, но управляемым. А теперь грех вырвался наружу, обрёл плоть и кровь в лице изнасилованной дочери, и его уже невозможно было

игнорировать. И виновата в этом была она, Жанна.

Александр не ответил жене. Он лишь сильнее сжал её локоть, и Людмила, поскуливая, умолкла.

Электричка пришла с опозданием в сорок минут, оглушив их грохотом, шипением тормозов и клубами пыли. Она была длинная, вся в ржавых подтёках и граффити, с выбитыми стёклами в некоторых вагонах. Двери с пневматическим вздохом открылись, и оттуда повалил запах — едкая смесь пота, махорки, дешёвого портвейна, варёных яиц и немытого тела. Жанну отшатнуло.

— Заходи, — коротко бросил Александр, подхватывая самый тяжёлый баул.

Втиснуться в переполненный вагон оказалось испытанием. Народу было битком — мужики в спецовках, бабы с авоськами, кричащие дети, какие-то тинейджеры с грохочущим из колонок шансоном. Все говорили, смеялись, ругались, создавая оглушительный гул. Егор, рыча что-то сквозь зубы, грубо расталкивал людей, прокладывая путь к единственному свободному уголку у тамбура. Людмила, побледнев ещё больше, протиснулась к грязному, заляпанному стеклу и прижалась к нему лбом, закрыв глаза. Александр, кряхтя, втащил баул и поставил его на пол.

— Сиди, — сказал он Жанне, указывая на узел.

Она послушно села. Жёсткий угол чемодана впивался в бедро, но это было ничто по сравнению с той внутренней, сокрушительной тяжестью, что давила на неё изнутри. Она

установилась в пол, стараясь не видеть окружающих, не слышать их. Но обрывки фраз долетали до неё сквозь шум.

— ...а он ей и говорит, мол, где мои деньги, стерва...

— ...вот этот свитер я тебе в «Весне» брала, пятьсот рублей, представляешь?..

— ...Вась, дай закурить...

Она пыталась представить, что вот эти люди едут на работу, в гости, по своим делам. У них есть какая-то цель, какая-то жизнь, в которой не было вчерашнего вечера. Они не знают, что такое тёмный сарай и грубые руки, пахнущие водкой. Для них она — просто девочка в телогрейке, едущая с родителями. И это осознание делало её одиночество абсолютным. Она была отрезана от них невидимой, но прочнейшей стеной травмы.

Поезд тронулся. Стук колёс, сначала редкий, потом учащающийся, слился в монотонный, гипнотизирующий гул. За окном поплыли знакомые и тут же ставшие чужими пейзажи: последние деревенские дома, огороды, затем пожухлые августовские поля, перелески, редкие станционные постройки. Всё удалялось, таяло в дымке. Жанна чувствовала, как вместе с километрами внутри неё что-то рвётся, отмирает. Детство. Оно кончилось вчера, в тот миг, когда скрипнула дверь сарая. А сейчас хоронились его последние остатки — визуальная память о родных местах.

Она украдкой посмотрела на отца. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел в приоткрытую форточку. Ветер тре-



пал его сидящие на висках волосы. В его профиле, обычно таком уверенном и сильном, Жанна увидела незнакомую уязвимость и усталость. Он был сломлен. Не физически — он по-прежнему был крепким мужиком, — но какая-то важная опора внутри него треснула. Он молча принял на себя груз катастрофы и теперь вёз его, как тот баул, не зная, что с ним делать дальше. Его взгляд, скользнувший раз в её сторону, был тяжёлым, как свинец, и полным невысказанной муки. В этом взгляде не было отвращения, как у матери, или злости, как у Егора. Там была лишь каменная, беспросветная вина мужчины, который не смог защитить своё дитя. И эта вина была страшнее всего.

Егор что-то бубнил себе под нос, выстукивая каблуком нервный ритм. Он вытащил зажатую в кулаке монету и начал её подбрасывать и ловить, не отрывая взгляда от проносящихся за окном столбов. Он был зол — на отца за то, что тот «устроил драму и теперь они бегут, как крысы», на мать за её «шлюховатость», на сестру за то, что она «подставилась и всех подставила». Его подростковый максимализм не искал полутонов. Мир в его глазах раскололся на виноватых и пострадавших, и он, Егор, безусловно, относил себя к пострадавшим.

Людмила так и не открыла глаз. Она застыла у окна в странной, неестественной позе, будто пытаясь раствориться, исчезнуть. Иногда по её спине пробегала судорога, но она тут же замирала. Она ушла в себя, в какую-то внутреннюю

пустыню, где не было ни мужа, ни детей, ни стыда, ни боли — лишь спасительное ничто.

Два часа пути превратились в бесформенный временной поток. Жанна то дремала, убаюканная стуком колёс и усталостью, то просыпалась от резкой боли в затекших мышцах. Её мучила жажда, но просить воды у родителей она не решалась. Казалось, любое её слово, любой жест будет неправильным, вызовет новую волну молчаливого осуждения.

Когда поезд, наконец, начал сбавлять ход, и за окном замелькали первые городские постройки — уже не деревянные дома, а серые коробки заводов, склады, грязные пустыри, — в вагоне засуетились. Александр встряхнулся, как медведь, выходящий из берлоги.

— Приготовься. Сейчас выходим.

Они вывалились на перрон большого городского вокзала, оглушённые гамом, рёвом громкоговорителей и людским водоворотом. Здесь пахло уже по-другому — бензином, угольной пылью, жареными пирожками из ларька и тем специфическим запахом большого города, который является смесью асфальта, выхлопов и миллионов человеческих жизней. Жанна впервые в жизни увидела столько людей сразу. Они шли стремительными, целенаправленными потоками, сталкивались, обтекали друг друга, не замечая. Никто не смотрел по сторонам, не улыбался. На лицах — усталость, озабоченность, безразличие. Она почувствовала приступ паники. Как можно не потеряться в этом море? Как найти в нём своё

место?

Александр, как опытный капитан, повёл свой маленький, разбитый «корабль» сквозь толпу. Он нёс самый тяжёлый баул, Егор волок два других, а Жанна с Людмилой шли следом, держась за края их одежды, чтобы не отстать. Людмила шла, опустив голову, словно боясь встретиться с чьим-то взглядом. Жанна же, наоборот, вглядывалась в лица, пытаясь найти в них хоть каплю тепла, понимания — и не находила. Они были чужими, и она была чужой среди них.

На трамвайной остановке им пришлось ждать ещё двадцать минут. Стояли молча. Егор закурил, отец одёрнул его: «Брось, на людей смотрят». Егор с вызовом затянулся ещё раз, но окурок всё-таки бросил под ноги и раздавил каблуком.

Трамвай, старый, дребезжащий, довёз их до какого-то района, сплошь состоящего из одинаковых пятиэтажек. Дома стояли ровными серыми рядами, как солдаты, окна в них были маленькими, как бойницы. Деревья — чахлые, посаженные недавно, — не давали тени. Дворы представляли собой утоптанную землю с островками жухлой травы и обязательными песочницами, вокруг которых копошились дети.

Их дом был в самом конце ряда. Подъезд пах свежей краской, мочой (видимо, от местных бродячих собак или невоспитанных детей) и сырым цементом. На стенах лестничной клетки красовались детские каракули и неприличные надписи. Квартира была на третьем этаже. Дверь открыл Алек-

сандр ключом, который ему выдали в какой-то конторе по дороге — он съездил туда, пока они ждали электричку.

Он толкнул дверь, и они вошли.

Пустота. Голая, бетонная пустота. Комнаты — одна побольше, одна поменьше. Кухня с крошечным балкончиком. Пол — холодный линолеум неприятного грязно-жёлтого цвета. Стены — покрытые неровным слоем меловой побелки, кое-где проступали тёмные пятна. Окна — заляпанные брызгами извести, через них скупое лился тусклый свет хмурого дня. Ничего больше. Ни крючка для одежды, ни полки, ни тумбочки. Только квадраты комнат и гулкое эхо их шагов.

Людмила, войдя, остановилась посреди большей комнаты. Она медленно обвела взглядом голые стены, потолок с торчащей голой лампочкой, пустой угол. И на её лице, таком опустошённом до этого момента, появилось выражение. Сначала — недоумение. Потом — осознание. И наконец — такое леденящее, абсолютное отчаяние, что Жанне захотелось закричать. Казалось, мать видит не новую квартиру, а открытый гроб. Гроб для их прежней жизни, для её иллюзий, для всего, что имело хоть какой-то смысл. Она не выдержала этого взгляда и отвернулась.

Егор свистнул сквозь зубы.

— Ничё се, хоромы. Прямо как в сказке.

— Заткнись, — беззвучно сказал Александр. Он поставил баул на пол, и гулкий стук отозвался по всей пустой кварти-

ре. — Будем жить. Всё наладится.

Но в его голосе не было ни капли веры. Была только та самая каменная решимость — не жить, а выживать. Та самая, что заставила его молча избить соседа, молча собрать вещи, молча привести семью в эту бетонную коробку. Это была решимость животного, загнанного в угол, которое знает, что назад пути нет, и теперь нужно просто терпеть, просто дышать, просто существовать изо дня в день, пока боль не притупится, пока стыд не сотрётся в привычку.

Он открыл баул и стал вытаскивать вещи. Потёртое одеяло, несколько простыней, кастрюли, ложки, фотографии в рамках. Каждый предмет, попадая в эту пустоту, казался жалким, чужим, неуместным. Как будто их старую жизнь пытались втиснуть в новую, холодную форму, и форма эта её безжалостно ломала.

Жанна стояла у окна и смотрела вниз, на двор. Там две женщины с авоськами о чём-то спорили. Мальчик гонял на велосипеде. Из открытого окна соседней квартиры доносился запах жареного лука и звук радиоприёмника. Шла обычная жизнь. А здесь, в этой квартире, жизнь кончилась. И началось что-то другое. Долгое, трудное, безрадостное. И первым делом в этой новой жизни ей предстояло научиться жить с тишиной. Не с деревенской тишиной, полной звуков природы, а с гнетущей, зловещей тишиной невысказанных слов, невыплаканных слёз и непрощённых обид. Тишиной, которая будет звонеть в ушах громче любого крика.

Она обернулась. Отец раскладывал на полу матрац. Мать неподвижно стояла у стены, глядя в одну точку. Брат ушёл на балкон курить. Она была одна. Совершенно одна. Даже в этой комнате, полной людей. Она глубоко вдохнула запах свежей побелки и пыли. Это был запах начала. Начала её личной, долгой войны за право просто быть. Войны, исход которой был пока не ясен никому.

## Глава 3. Свой угол, чужая печь.

Первые полгода в городе прошли в каком-то сонном, подвешенном состоянии. Их спасением стали отцовские сбережения. Александр, человек предусмотрительный и не склонный к транжирству, годами откладывал «на будущее» в жестяную коробку из-под леденцов, спрятанную под половицей. Будущее наступило внезапно и оказалось чёрной дырой, но коробка с деньгами стала спасательным кругом. На эти деньги они купили небольшой, старый бревенчатый дом на отшибе, где городские пятиэтажки уже сменялись огородами и покосившимися заборами. Дом был неказист, требовал ремонта, но зато он был их. Свой угол. Крыша над головой, которую не могли отнять.

Для Александра это была победа и точка опоры. Он с головой ушёл в хозяйственные хлопоты: конопатил стены, латал крышу, колол дрова. В этой мужской, понятной работе была его отдушина и способ доказать самому себе, что он ещё может что-то исправить, что-то построить. Он был как раненая птица, которая, сломав крыло, начинает с удвоенной силой обустривать гнездо. Для Людмилы же собственный дом не стал утешением. Он стал более просторной, но оттого ещё более безрадостной клеткой. Она могла часами неподвижно сидеть на краю кровати, глядя в стену, или тихо бродить по комнатам, будто отбывая пожизненный срок

в одиночной камере.

А для Жанны этот дом с печным отоплением стал символом всего, от чего она бежала и что настигло её вновь. Той самой печкой, что топились в их деревенском доме, она теперь ненавидела лютой, физической ненавистью. Отец с утра уезжал на колымные работы — разгружать вагоны, копать траншеи. Мать пребывала в своём оцепенении. Егор, получивший наконец свободу от деревенских взглядов, пропадал бог знает где, возвращаясь поздно и от него пахло дешёвым табаком и чужим пьяным весельем. Обязанность топить печь легла на Жанну.

Эта обязанность казалась ей пыткой. Каждое утро она спускалась в промозглый, пропахший плесенью и землёй сарай за дровами. Каждое полено было холодным, тяжёлым, несущим в дом частицу того леса, от которого она хотела сбежать. Она часами сидела на корточках перед ненасытным чёрным зевом печи, подбрасывая щепки, раздувая огонь газетой. Дым щипал глаза, гарь въедалась в кожу и волосы, под ногтями вечно была чёрная грязь. Этот бесконечный, примитивный труд унижал её. Печь пожирала дрова, а вместе с ними, казалось, пожирала её время, её силы, её крошечные надежды на то, что в городе всё будет иначе.

Сидя на колодке у огня, она смотрела на танцующие языки пламени и мечтала не о тепле, а о тех самых безликих «хрущёвках», которые видели в первый день. Она представляла, как там, за тонкими стенами, тепло приходит само —



из таинственных, гудящих батарей. Нажал кнопку или повернул вентиль — и уже не нужно молиться на каждый охапку дров, не нужно бояться, что огонь погаснет и дом выстудится до костей. В квартире, думала она, нет этого вечного запаха дыма и золы. В квартире можно просто жить, а не бороться каждый день за элементарное тепло.

Эта мечта о квартире, о центральном отоплении, о жизни без печки стала для неё навязчивой идеей, тихим протестом против всей её судьбы. Она ещё не знала, что в будущем её ждут и квартиры, и батареи, и своя ванная. Но также её ждут сломанные краны, затопленные соседи, долги за коммуналку и ледяной холод в межсезонье, когда отопление уже отключили, а на улице ещё моросит холодный дождь. Она пока не знала, что каждая форма жизни несёт своё бремя. А пока она просто ненавидела печь. И в этом ёмком, детском чувстве была сконцентрирована вся её боль, весь стыд и вся ярость за сломанную жизнь. Печь стала для неё олицетворением тупой, безжалостной необходимости, которая согревает, но при этом медленно сжигает тебя самого.

## Глава 4. Стены и голоса

К концу первой городской зимы в доме на отшибе установился тяжёлый, молчаливый, но трезвый порядок. Самым невероятным было то, что родители бросили пить. Не после скандала и не по решению — это случилось само собой, будто алкоголь остался там, в прошлой жизни, как ненужный хлам. В доме больше не появлялась бутылка. Иногда Александр мог выпить кружку густого, как смола, чая. Людмила пила только кипяток. Они словно обменяли тягу к забвению на каменное, ежедневное терпение. Быть пьяными сейчас значило быть слабыми, а им надо было стоять.

Александр устроился на железную дорогу газорезчиком. Это была опасная, мужская работа — резать автогеном старые вагоны. Он возвращался домой пропахший гарью и металлом, но в его осанке появилась твёрдость. Работа давала не только деньги, но и право чувствовать себя человеком, который держит удар.

Людмилу взяли на мясокомбинат в цех. Работа была тяжёлой, кровавой, но она не роптала. Физическая усталость глушила мысли. А главное — на комбинате были связи. Оттуда она приносила домой то, чего не было в магазинах: мясо, сало, потроха. Их холодильник начал наполняться. И с этим в Людмиле пробуждалась тень прежней хозяйственности. Она готовила щи, жарила котлеты. Дом начал пахнуть

не сыростью, а едой — тяжёлой, жирной, пахнувшей выживанием.

Егор же сорвался с пути. Школу забросил сразу. Он болтался по дворам, по гаражам, и от него веяло чужим табаком и вызывающим безразличием. Он стал тихим бунтарём в стенах дома.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.